

Лепестковый окрас "Фиреаль".
(Из отнадевательского спектра д-ра В. Н. и М. И. Липаровских).

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТ.

Петербург, Москва, Варшава, Харьков, Николаев, Ростов на Д., Киев.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 5.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

1 МАРТА 1914 г.

„ЯРОПОЛЕЦЪ“.

А. С. Пушкинъ писалъ 21-го августа 1833 г. женѣ:

— „Я пишу тебѣ продолженіе моихъ похужденій изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда я прибылъ благополучно изъ Ярополяца. Въ Ярополець прибылъ я въ среду поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня, какъ нельзя лучше“;

и далѣе:
— „ей хотѣлось бы очень, чтобы ты будущее дѣло провела у нея. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разрушенномъ дворцѣ и разводитъ огорода надъ прахомъ твоего прадѣдушки,

Дорошенки, къ которому я ходилъ на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе друзья, водилъ меня на его гробницу и показывалъ мнѣ прочія достопримѣчательности Ярополяца. Я нашелъ въ домѣ старую бібліотеку, и Нат. Ин. позволила выбрать мнѣ нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и придутъ съ вареньемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣтъ мой на Ярополець былъ вовсе не напрасенъ“.

Прочитавъ это, я, заинтересовавшись, обратился къ историкамъ Малороссіи, гдѣ и нашелъ указанія, что Дорошенко умеръ бездѣтнымъ.

Гончаровский домъ въ Ярлопѣцѣ (зимой).

О какихъ же потомкахъ говорить Пушкинъ?

Тогда я отправился къ моему другу въ Москву, украинскому историку, профессору Д. И. Эварницкому, и спросилъ его.

Въ отвѣтъ на это, Д. И. предложилъ мнѣ поѣхать къ дочери покойнаго поэта — Маріи Александровнѣ Гартунгъ.

Получивъ отъ М. А. нѣкоторыя свѣдѣнія и письмо къ ея племянницѣ Еленѣ Борисовнѣ Гончаровой, мы въ тотъ же день выѣхали въ село Ярлопѣцъ, гдѣ погребень гетманъ Дорошенко.

Ярлопѣцъ, находящійся въ 20 вер. отъ Волоколамска, принадлежитъ Гончаровымъ.

Владѣлица его познакомила насъ съ нѣкоторыми родовыми документами, доказывавшими происхожденіе рода Гончаровыхъ отъ Дорошенки.

Дивный дворецъ, выстроенный ѣмъ-то изъ архитекторовъ времени Елизаветы Петровны, при владѣльцѣ Ярлопѣца А. А. Загряжскомъ.

Чудный дворецъ еще дорогой тѣмъ, что въ немъ не разъ гостилъ А. С. Пушкинъ.

И теперь, въ старомъ саду, живописно брошенномъ по берегу р. Ламы, цѣла густая липовая аллея, называемая Пушкинской. Покойный поэтъ, по преданіямъ, очень любилъ эту аллею.

Я любовался дворцомъ, этимъ интереснѣйшимъ зданіемъ съ его колоннадой и лѣпными работами снаружи, съ его высокими комнатами, съ его залой,

украшенной удивительно стильной люстрой и старинной мебелью, со стѣнами, расписанными пейзажами, съ громадными изразцовыми каминами.

А кругомъ дворца высокія красныя стѣны, съ рядомъ громаднѣхъ, причудливѣхъ башенъ, производящихъ впечатлѣніе древняго замка...

Предо мной тетрадка — описаніе Ярлопѣца, сдѣланное Ал. Н. Муравьевымъ, — помѣченная 26 августа 1835 г. Но въ тетрадкѣ этой много крупнѣхъ неточностей. Такъ, Дорошенко названъ „гетманомъ Запорожской Сѣчи“, хотя гетмановъ никогда не было въ Сѣчи. Смерть Дорошенки указана 1717 г., и это ошибка: на могилѣ его помѣченъ годъ 1698-й.

Село Ярлопѣцъ большое, торговое. Базары бываютъ по пятницамъ, и сюда стекается множество народа изъ соседнихъ селеній. Часовенка, гдѣ похороненъ Дорошенко, какъ разъ посреди базара. Она обставлена кругомъ ларями торговцевъ. Часовенка эта выстроена вполнѣдствіи, какъ мнѣ это передали старожилы, Смоленскъ.

Это типъ стараго русскаго богатыря. Ему уже девятый десятокъ, но онъ до сихъ поръ работаетъ и не прочь выпить. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ ямщикомъ, держалъ почтовую станцію и часто возилъ Нат. Нек. Пушкину изъ Ярлопѣца въ Клинъ.

— „А Пушкина ты знаешь?“ — спросилъ я его.

— „Да, видѣлъ здѣсь, когда онъ, женившись на Наталіи Николаевнѣ, прѣѣзжалъ сюда, такъ всѣ гово-

Пушкинъ, Пушкинъ приѣхалъ!* А кто такой
бы, тогда мы не знали. Уже потомъ узнали,
знаменитый писатель. Миѣ тогда было около
три лѣтъ, какъ сейчасъ помню — идуть наши
господа, а съ ними и Пушкинъ къ памятнику. А памятникъ,
плита та самая, лежалъ на землѣ, вокругъ него
были сдѣланы 4 столба на навѣсахъ и кругомъ стояли
амбары, камни навалены были. Пушкинъ долго разби-
ралъ надпись, а потомъ и говоритъ нашему, барину:
— „Иванъ Николаевичъ, слѣдовало бы почистить
кругомъ, да часовенку сдѣлать“.

А баринъ, какъ сейчасъ помню, отвѣчаетъ:
— „Да, слѣдовало бы, сдѣлаю“...

Вскорѣ послѣ того, Иванъ Николаевичъ эту самую
часовенку и сдѣлалъ“...

Теперь часовенка пришла въ ветхость и весной
Е. Б. Гончарова предполагаетъ ее подновить, обнести
рѣшеткой и засадить деревьями.

Жители села Яропольца мало интересуются этимъ
памятникомъ, и немногіе изъ нихъ знаютъ, кто похоро-
ненъ подъ этой плитой. На наши вопросы слѣдо-
вали самые разнорѣчные отвѣты: „донской атаманъ“,
„запорожскій гетманъ“, „изъ казаковъ какой-то ба-
ринъ“, а одинъ начитанный крестьянинъ отвѣтилъ:

— „Говорить, что гетманъ, а на самомъ дѣлѣ онъ
былъ таинственный монахъ, и книжки объ этомъ есть“.

Какъ бы тамъ ни было, а могилу гетмана нѣ-
сколько лѣтъ назадъ пытались обокрасть. Тогда ча-
совня не запиралась — и подъ камнемъ съ внутренней
стороны былъ сдѣланъ глубокой подкопъ, вынуты
были человѣчскія кости. Явилась полиція и судебно-
ная власть, снова зарыли могилу, но преступника не
нашли. Искать онъ, какъ говорятъ, золотой буланы,
съ которой, будто бы, былъ схороненъ гетманъ.

Могилу гетмана представляетъ собою большую
каменную часовню съ круглымъ куполомъ надъ нею
и съ желѣзной рѣшетчатой дверью, всегда запертой
замкомъ. Обычно здесь въ часовню никогда не запи-
ралась, но съ тѣхъ поръ, какъ могилу гетмана потре-
бовали какіе-то мѣстные „младоякаты“, искавшіе
опять золотой буланы, она всегда запerta.

Внутри часовни надъ прахомъ гетмана лежитъ
длинная гладкая известковая

плита, имѣющая безъ двухъ верш-
ковъ три аршина длины. Съ
боку плиты, противъ изголовья,
высѣчена небольшая сабля и ниже
сабли въ красивой вышитой
вязью сдѣлана надпись: „Лѣта 7206
ноября въ 9-й день преставился
рабъ Божій гетманъ войска за-
порожскаго Петръ Дорофеевичъ
Дорошенко, а поживе отъ рождества
своего 71 годъ положенъ бысть
на семь мѣстѣ“.

Теперь памятникъ въ забросѣ,
никто о немъ и не говоритъ.

Только старики еще вспоми-
наютъ иногда, что рассказывали
ихъ предки.

Въ числѣ старыхъ людей наш-
лась интересная 70-лѣтняя ста-
рушка, Авдотья Кузминична, слу-
жившая въ домѣ Гончаровыхъ,
бывшая ихъ крѣпостная. Она во-
спитанница Н. И. Гончаровой и
служила Натальѣ Николаевнѣ
Пушиной до ея замужества. Она
помнила изъ разсказовъ служа-
щихъ, какъ приѣхалъ Пушкинъ,
и сама, въ дни юности, помнитъ,
что были на старомъ тополѣ въ
саду стихи, писанные Пушкинымъ.

Когда Д. И. Эварницкій началъ ее разспрашивать
про старину, она отвѣтила:

— „Это надо въ лѣтописяхъ искать, наша голова
не постигаетъ“.

Между прочимъ, она напоминаетъ фактъ, памя-
тный въ то время въ семьѣ Гончаровыхъ: когда
Нат. Иван. вернулась со свадьбы А. С. Пушкина и
дочери и вошла въ свою спальню, со стѣны со-
рвалось ее зеркало — трюмо и разбилось вдребезги.

— „Не проидеть это даромъ“, — сказала она, и всю
жизнь вспоминала объ этомъ. А когда, послѣдствіи,
А. С. Пушкинъ былъ убитъ, она припомнила этотъ
случай, надѣла на себя все черное и, не снимая траура
до самой смерти, окончательно замкнулась въ Яро-
польцѣ.

О Дорошенкѣ старушка мало говоритъ; она, по-
груженная въ жизнь Гончаровскаго дворца, мало
интересовалась славнымъ гетманомъ, владѣльцемъ
Яропольца.

Вл. Гиляровский.

(Изъ показан 1903 года).

УСАДЬБА ГОНЧАРОВЫХЪ.

„Я влюбленъ, я охваченъ
Словомъ, я огочарованъ“,
А. Пушкинъ.

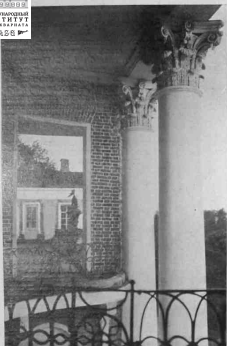
Ярополець — это историческое село находится въ
глуши Волоколамскаго уѣзда въ 20 верстахъ отъ
станціи жел. дороги. По народнымъ сказаніямъ, на-
звание его произошло отъ „Ярового поля“, истари
отведеннаго для содержанія псарни московскихъ царей,
охотившихся здѣсь. Въ народной молвѣ отмѣчается
опредѣленно, что особенно часто любилъ здѣсь охо-
титься царь Алексѣй Михайловичъ...

Здѣсь часто бывалъ А. С. Пушкинъ и въ его пись-
махъ къ жѣнѣ, — урожденной Н. Н. Гончаровой, — Яро-
полець упоминается, начиная съ 21 августа 1833 г.,
много разъ.

Помѣщичій домъ Гончаровыхъ въ Яропольцѣ по-
строенъ лѣтъ полтора ста тому назадъ, говорить, знае-

Часовенка надъ могилой Дорошенки въ Яропольцѣ (стоитъ около часовенки
Вл. Гиляровскій).

внимать зодчим XVIII столѣтія Растрелли *). Заброшенный въ глушь и даль отъ столицы (отъ Москвы за 135 верстъ), онъ поражаетъ своимъ архитектурнымъ великолѣпіемъ и величавыми разѣрами, дающими ему видъ дворца... Окруженный прекраснымъ паркомъ, онъ возвышается на холмѣ около красиваго изгиба рѣки Ламы. По берегу ея стоитъ огромная высокая береза, раскинувъ вѣтви надъ самой водой... Влѣво отъ дворца тянется въ глубь парка высокая, прямая и тѣнистая липовая аллея — „Пушкинская“. Говорить, тутъ любилъ сидѣть подолгу

*) Прим. ред. Можно почти безошибочно утверждать, что эта постройка въ Растрелли: характеръ постройки не его. Растрелли привнесъ въ него больше того, что онъ дѣйствительно построилъ...

нашъ поэтъ. Съ ранней весны въ аллеѣ не замораживаютъ соловьиныя трели, по утрамъ и вечерамъ. Дворецъ обращенъ сюда строгимъ фасадомъ съ плоскими колоннами, а по обѣ стороны его высокая, кудрявая стѣна парка. Прямо отъ величественнаго фасада начинается поляна, уступами нисходящая къ рѣкѣ.

Со стороны, противоположной саду, находится главный подъѣздъ дворца и фасадъ приковываетъ взглядъ чудесными деталями колоннъ, балконовъ и оконъ... А вдали по ту сторону широкаго двора,—огромнаго зданія театра Гончаровыхъ и ткацкой мастерской крѣпостнаго времени... Въ глубинѣ — красивыя оранжереи, башенки и стѣны, ихъ соединяющія. У вѣзда передъ церковью двѣ высокія башни. Церковь туда вмѣстилась видимо, внослѣдствіе: она загромождала общій видъ дворцовыхъ построекъ.

Еще лѣтъ 25 назадъ отъ башни и до середины села, гдѣ находится могила гетмана Дорошенко, тянулась вдоль дороги прекрасная каменная ограда саженъ на 150. Она была не выше двухъ аршинъ, но такая толстая, что въ распутицу крестьяне въ церковь и отъ церкви ходили по этой стѣнѣ.

Но покойнымъ владѣльцемъ стѣна эта была отдана на сломъ мѣстному трактирщику и теперь вмѣсто нея среди села стоитъ аляповатая, казарменная, двухъ-этажная гостиница „Эриатажъ“, построенная изъ кирпича стѣны...

Въ сторону же противоположную отъ села усадьба Гончаровыхъ сливается съ садами и парками имѣнія графовъ Чернышевыхъ-Кругликовыхъ. И тамъ тоже не мало дремлющей красоты и сокровищъ искусства...

Между усадьбою Гончаровыхъ и крестьянскимъ селомъ Яропольцемъ была замѣтная снѣгъ и у отповъ, и у дѣтей. На школьныхъ праздникахъ и экзаменахъ бывали сестры Гончаровы (писавшія красавицы) со

Бюстъ гетмана Дорошенки въ Яропольцѣ.

своимъ старшимъ братомъ, тогда земскимъ начальникомъ. Они улыбались хорошимъ отвѣтамъ учениковъ, дарили гостинцы и, появившись, шопотомъ под-сказывали... И въ паркѣ, и на барскій дворъ большіе и малые шагали смѣло. Большихъ тамъ выслушивали, давали советъ, лѣкарства...

А захочется ребятишкамъ раздобыться копеечкой на гостинцы, они гурьбою отправляются на берегъ рѣки противъ дворца и принимаются съ гвалтомъ за ловлю раковъ. На шумъ ихъ являлись иногда и сами господа. Они вступали въ разговоръ съ ребятишками, принимали ихъ уловъ на кухни дворца и дарили всегда серебромъ на гостинцы...

Проходили мимо села солдаты на маневры или послѣ нихъ; далеко за селомъ встрѣчали ихъ и гос-

мужики; съ военною музыкою вмѣстѣ шли по нѣмъ ко дворцу и тамъ толпились до ночи на цѣль противъ балкона, на которомъ играли военные оркестры... Дворецъ оживалъ, сверкала огнями, военными мушкетерами, женской граціей и трепетною красотою танца—блестала своимъ великолѣпьемъ, которое хранилъ въ себѣ онъ и созданъ былъ.

Могила гетмана Дорошенки находится посреди села. Когда-то здѣсь была церковь и въ ней-то похоронили гетмана подлѣ правыхъ клиросовъ. Но благодаря близости высокаго крутого берега Ламы, подмываемого водою, церковь отсюда перенесли къ усадьбѣ и на ея мѣстѣ остался кирпичный пьедесталъ и гробница гетмана. Надъ нею построена часовня, какъ говорить, по совѣту А. С. Пушкина.

Среди крестьянъ ходила легенда, что будто бы Дорошенко отсюда изъ ссылки скрылся и былъ участникомъ Полтавской битвы и что имъ именно раненъ въ ногу Карлъ XII передъ сраженіемъ. На эту тему есть даже любовный романъ "Таинственный Монахъ", очень любимый мѣстнымъ населеніемъ. О томъ же, что Дорошенко скрывался въ монашеской рябѣ въ Межегорѣ подлѣ Києвомъ, говорится и у поэта Шевченко въ "Кобзарѣ". Но это было, видимо, до ссылки въ Ярополець. Пушкинъ въ письмѣ къ своей женѣ называетъ Дорошенко ея прадѣдушкой, а народная молва называетъ и сосѣдняго помѣщика графа Чернышева тоже потомкомъ гетмана, и очень оригинально объясняетъ происхождение самой фамиліи графа. Когда одинъ изъ предковъ теперешнихъ Чернышевыхъ былъ просто военнымъ служилымъ человѣкомъ, то въ одномъ изъ походовъ онъ получалъ рану между бровью и ухомъ; по обычаю заповороженъ онъ эту рану затеръ порошкомъ, она у него зажила, но на ея мѣстѣ остался отъ пороха черный шовъ и эта примѣта стала добавочнымъ прозвищемъ къ его фамиліи, а когда впоследствии возвели его въ графы, то походная товарищеская кличка "Черный Шовъ" была дана

"Пушкинская аллея" въ Ярополець.

въ фамилію новому графу Чернышеву.

Въ сосѣднюю усадьбу графовъ Чернышевыхъ входъ не такъ доступенъ, хотя сады этой усадьбы сливаются съ Гончаровскими. Тамъ цѣлая аллея деревьевъ, подстриженныхъ квадратами, треугольниками и кругами. Весь садъ пронизанъ каналами, черезъ которые перекинуты узорчатые, изящные мостики изъ березы съ берестой. Такіе же диванчики разбросаны подлѣ тѣнью деревьевъ и по берегамъ кана-

ловъ. Говорятъ, что каналы эти рылись двумя полками солдатъ. Въ нихъ важно расхаживала огромная рыба, ловить которую не позволялось никому. Рассказывали, что гдѣ-то въ особомъ бассейнѣ плавала диковинная рыба: золотая и съ золотыми серьгами, и крестьянскіе мальчишки (въ томъ числѣ и я) съ рискомъ пробирались въ заловѣнные уголки огром-

Театръ въ Ярополець (остатокъ крѣпостного времени).

Церковь и остатки башни въ Ярославль.

наго сада и искали тамъ диковинную рыбу, у которой выпуклые на выкатъ глаза, очень похожи сбоку на массивные золотыя сережки. Есть тамъ длинныя бесѣдки, высокія, съ полумѣсяцемъ на шпиль, похожія на мечети... Есть глубокий прудъ, какъ зеркало въ изумрудной рамѣ береговъ. Передъ нимъ огромная, вѣковая сосна съ золотистыми стволами, необыкновенно ровными и высокими. Они гладкія, какъ колонны и только на страшной высотѣ увѣнчаны пышною короною вѣтвей. Отраженіями этихъ сосенъ въ пруду любуются подолгу всѣ, кому удастся попасть сюда. Тутъ во дворцѣ долго гостила Екатерина-Великая по пути изъ Тавриды въ Петер-

бургъ, о чемъ свидѣтельствуеъ памятникъ въ паркѣ.

Передъ дворцомъ огромный дворъ съ чудеснымъ газономъ и цвѣтникомъ посрединѣ. Въѣздъ закрытъ огромными тяжелыми воротами среди двухъ бѣлыхъ башенъ. Тутъ все иначе, все по другому, нежели въ усадьбѣ Гончаровыхъ и все, чѣмъ пользуются крестьянскія дѣти школьники отъ этой усадьбы—это душистныя вѣтки дерева, называемаго ими по просту масличнымъ, а это были вѣтви туй (какъ я узналъ только теперь), которая они тайкомъ ломаютъ, чтобы закладывать въ книги...

Василій Кривошея,
крестьянинъ села Ярославца.

Перепечатка статей и иллюстрацій изъ журнала
безъ указанія источника воспрещается.
Законъ 20 марта 1911 года.

ЗАМѢТКИ ОБЪ ЭКСПРОМПТѢ.

II.

Не абыѣ поэтамъ экспромпты даются съ одинаковою легкостью. Кромѣ особаго склада дарованія здѣсь играютъ роль и инстинкты поэты, чуткѣ быстро найти какую-нибудь характерную особенность даннаго событія и подмечать для нея форму скажутъ, но вполнѣ определенно выражающую мысль поэта. Бываютъ, «снѣкъ дѣлъ мастера», такъ сказать, виртуозы экспромпта, у которыхъ всегда пѣснопѣй легка и шутливый откликъ на то, чего они являются свидѣтелями. Въ былые времена славились своими экспромптами Мининъ и Мей. Оба поэта не были вѣрами «зеленыя нива», и во многихъ стихотворныхъ пѣсняхъ они откровенно сознаются въ своей слабости. Мей за ужиномъ у графа Кушелева-Безбородко, гдѣ собралось избранное общество, сказалъ, обращаясь къ присутствующимъ:

Графы и графини!
Систеѣ пѣть во всемъ,—
Мнѣ же аншъ въ графинѣ,
И притомъ большому.

Мининъ, сознавъ самъ себя такую эпитафію:

Прокормилъ гризю могилъ сей не пачкай!
Любилъ онъ красное вино и умеръ блочною горячкой.

Довольно занимъ четверостишіемъ разразился на одномъ знакомомъ обѣдѣ покойный П. С. Липавскій:

Стучать ножи,
И хрипѣть глотки...
О, сколько лжи
За рюмку водки!

Ботъ благодушно отказавшись послѣ одного обѣдненнаго пѣршества, на прощанье хохотки написать ей что-нибудь въ альбомъ, большой мастеръ на экспромпты Ф. В. Черняковъ-Винникій:

Когда берутъ меня прислаховъ
Въ послѣобѣденный вѣстокъ
Тогда я просто гаду и плоховъ
И въ разговорѣ, и въ альбомѣ.
И это пѣть не мудрено:
Какое мѣсто тамъ разсудку,
Гдѣ отуманило вино,
И силы отданы жезудку?

Едва въ обществѣ поэты неждоко отщипываются отъ произнесенія экспромпта, ссылаясь на нерасположеніе или на какою-нибудь другой благовидной предлогъ, то въ своемъ товарищескомъ кругу они не скупились на нихъ. Обстановка, а также духъ сорев-

УСАДЬБА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

УСАДЬБА
„МУРОВАННЫЕ
КУРИЛОВЦЫ“
ВЪ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБ.

Домъ построенъ помещикомъ Комаръ
въ 1805 году.
Усадьба принадлежит гг. Чихачевымъ.

Фамильные кольцо и диадема
князей Юсуповых.

Свадебные подарки Ея Высочеству
Княжн Иринѣ Александровнѣ.

Сняты въ овалномъ залѣ дворца Великаго
Князя Александра Михайловича.

1. Наѣзжо на столѣ: фамильные брил-
лянты князей Юсуповыхъ—диадема и кольцо.
2. Шкафъ розоваго дерева съ бронзой—
подарокъ Мельера.
3. Въ шкафу, на верхней полкѣ, въ
центрѣ, подарокъ женскія—бриллиантовая ди-
адема ажурной работы, замѣчательна тѣмъ,
что бриллианты чередуются съ горнымъ хру-
сталемъ—работы ювелира Картье; въ этой
диадемѣ Ея Высочество вѣнчалась.
4. Бриллиантовая серьга, изъ фамиль-
ныхъ бриллиантовъ князей Юсуповыхъ, съ
крупицами подвесками—грудешками жен-
скаго звена.
5. Брошь—сѣвѣтый изумрудъ, осыпан-
ный бриллиантами, подарокъ Вели. Кн. Ольги
Александровны.
6. Браслеты изъ двухъ крупнѣхъ брил-
лиантовъ—подарокъ жениха.
7. Подвеска на шею отъ княгини и
князя Юсуповыхъ.
- Вторая подка:
8. Мангаторъ—подарокъ-портретъ, вло-
стующейся Королемъ Ангальтской.
9. Брошь—подарокъ Императрицы Ма-
рии Федоровны.
10. Дѣя нѣтъ жемчуга—подарокъ Госу-
даря Императора.
11. Въ томъ же футлярѣ бриллиантовая
нитка и изумрудъ—отъ Вели. Княгини Ксении
Александровны.
12. Брошь бриллиантовая — подарокъ
Велик. Князя Николая Михайловича.
13. Браслеты—принцессѣ Виктори.
14. Кольцо бриллиантовое — подарокъ
Вели. Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ и Татьянѣ
Николаевнѣ.
15. Брошь—отъ Ангальтскаго Посольства.

Шкафъ съ подарками невесты Княжны Ирины Александровны.

Красная гостиная во дворцѣ. Портретъ и бюстъ Княжны
Ирины Александровны.

Третья полка:

16. Большая брошь из бриллиантов, рубинов и жемчуга — отъ Вел. Княгини Ксении Александровны.

17. Колье — крупные сапфиры с бриллиантами — отъ Вел. Кн. Александра Михайловича и Ксении Александровны.

18. Показка бриллиантовъ съ замѣчательнымъ розовымъ жемчугомъ — отъ Вел. Кн. Николая Михайловича.

Наружный фасадъ дворца Вел. Князя Александра Михайловича.

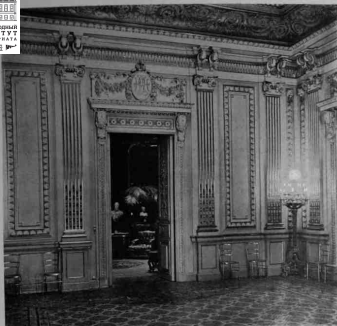
Зимний балконъ во дворцѣ. Сидятъ на первомъ планѣ князь Федоръ Александровичъ, морякъ Князь Андрей Александровичъ, на заднемъ планѣ Князь Ростиславъ Александровичъ.

Оранжевая гостиная; черезъ дверь видна бѣлая гостиная.

Мавританскій кабинетъ во дворцѣ Великаго Князя Александра Михайловича. На полу настоящий китайскій коверъ — подарокъ Китайскаго Императора.

Бальный зал во дворцѣ Великаго Князя Александра Михайловича; въ открытую дверь видна оранжеевая гостиная съ бюстомъ Великаго Князя.

Нижняя полка:

19. Замѣчательной работы страусъ изъ камня—отъ дочери графини Оранжовой-Давыдовой.

20. Ларецъ—Зои Стеклова.

21. Брошь—дизайни—(бриллианты и жемчугъ), отъ Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны.

22. Брошь—бантъ бриллиантовый отъ Вел. Князя Георгія Михайловича.

(Подарки работы Болша, Фаберже, Картье, Бюшера, Г. Симона и Коленвудъ и К^я).

Передняя во дворцѣ Великаго Князя Александра Михайловича, направо стоитъ казакъ Императрицы Маріи Феодоровны.

Голландская комната; въ перспективѣ была гостиная, дальѣ столовая.

ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛЪ.

БАЙРЕЙТЪ И «ПАРСИФАЛЬ».

(Из моихъ воспоминаній).

Съ тѣхъ поръ, какъ «Парсифаль» сталъ общимъ достоянiемъ и всѣ театры мира начали заискусно ставить эту музыкальную мистерию, Байрейтъ являлся своего рода «палачомъ дѣла».

Уже давно слово его начала меркнуть, чуждъ ли не сомнѣю, же послѣ смерти его гениальнаго основателя. Но до тѣхъ поръ, пока были живы и полнились талантами великаго музыканта, его ученики и тѣ ближе къ нему людямъ, которые хранили въ себѣ полученную ими отъ Вагнера искру священнаго огня, Байрейтъ оставался еще Мексикой вагнерiанства. Онъ былъ тѣмъ центромъ патентности, куда стекались ежегодно со всѣхъ концовъ вселенной поклонники вагнеровскаго творчества, знавшие по опыту, что только въ Байрейтѣ можно было присутствовать при безупречномъ исполненiи его произведенiй, согласно всѣмъ традициямъ, установившимся еще при жизни творца «Парсифаля».

Но тѣмъ людъ, и зогъ мало по малу стали слоняться въ могилу или уходить въ полъ ветераны «Shut und Dead» периода вагнерiанства. Жизнь высокоталантливыхъ людей, не стало Германа Гейна, американскаго академика исполненiемъ многихъ вагнеровскихъ ролей, въ томъ числѣ и «Парсифаля», поставленнаго въ первый разъ 28 июля 1882 года. Отрочество отъ сцены и другой великой таланта Ганса Риттера, умеръ Мотталь. Въ свою очередь сталъ поднимать сцену и дуться пламя вагнеровскаго ре-

и пѣвцовъ мира. Объ этомъ можно только показать, такъ какъ «Парсифаль» не походить ни на одну оперу, и даже среди другихъ произведенiй Вагнера занимаетъ совершенно исключительное мѣсто. Та мистическая окраска, которой онъ пропитанъ, и тотъ религиозный духъ, которымъ живетъ каждая страница его партитуры, требуютъ отъ слушателя особаго настроенiя, соответствующаго характеру самой музыкальной драмы. А этого настроенiя можно было достигнуть только павломочествомъ въ Байрейтѣ и только благодаря той обстановкѣ и атмосферѣ, которая тамъ существовала...

Я впервые посѣдилъ Байрейтъ въ 1885 году, черезъ два съ половиною года послѣ смерти Вагнера. Тогда началъ вслѣдъ за мѣсяцъ городкомъ этой жизненной части Франконiи, утопающимъ въ морѣ

Лучшій исполнитель
Парсифаля
Ванъ-Дикъ,
(1901 г.)

Лучшій исполни-
тель Зигфрида
Краусъ (1901 г.)

пертура, т. е. съ которыми самъ Вагнеръ проводилъ роки, и тѣ, которые хранили лучшия традицiи байрейтскаго театра: Фоска, бывшій, изданный Зигфридъ—Скарло, Маттерна, голландецъ Ванъ-Ро—лучшій Вольфъ, который когда-либо существовалъ, и мн. др. Одновременно съ упадкомъ байрейтскаго театра началъ падать настояще Шинтеин вагнеровскаго творчества. Изъ мѣсто заступ- твостворе обоемъ пастушарей.

Наконецъ, наступилъ послѣднiй часъ: Байрейтъ лишился «Парсифаля»! Вопросъ настоящихъ Вагнера, желавшаго, чтобы «Парсифаль» никогда не покидалъ Байрейтскаго театра, его посмертное произведение отано нѣтъ въ расстерзанiе всѣхъ оперныхъ сценъ

зелени, среди изумрудныхъ полей и садовъ и вѣвчающимся во- бладаннымъ холмомъ, на которомъ возвышался знаменитый Байрейт- ский театръ, еще вѣчно носился духъ великаго музыкальнаго ре- форматора. Поскольку въ городѣ можно было встрѣтить его друзей, первыхъ поклонниковъ и зрѣльщиковъ. Гостиницы, рестораны, сады,—все это было обращено въ своего рода храмъ и священныя дубравы, гдѣ ежегодно происходили служенiя посвященному гению.

Все жизнь городка кристаллизировалась, такъ сказать, вокругъ театра. Театръ былъ единственной темой разговоровъ всѣхъ прижи- жихъ, единственными, на что были обращены взоры всѣхъ. Въ тѣ годы интереснымъ зрѣлищемъ, которое можно было наблюдать въ Байрейтѣ, было медленное, торжественное движенiе со всѣхъ концовъ городка веренищъ музыкантъ и вѣвчающихся въ театръ. Такъ какъ представленiя начинались обыкновенно въ четыре часа дня и заканчивались около 9 час. вечера, то жизнь городка совершенно замирала въ середнiй день и пробуждалась только въ сумерки теплыхъ, лунныхъ, лѣтнихъ вечерахъ. Эти вечера прижики проводили обыкновенно въ много- численнѣхъ, но еще дешевѣхъ тогда ресторанахъ и пивницахъ, гдѣ вокругъ кружила пѣва вслѣдъ горечи слезы и происходила оми- ательная обстановка мѣлкихъ. Иногда являлся начинающiй музыкантъ устраивалъ у себя на дачѣ вечера въ честь избранныхъ и почет-

осветителей, иногда чер-
нодъ прохладял кра-
«факельцугъ». Но все-
поночь городъ уже
рѣпникъ сномъ.
истащеніи 1885 года
я, конечно, занимать очень
мало, потому, только абсолют-
ную темноту въ залѣ во время
хода дѣйствія и торжественные
призывные звуки трубъ, съ вы-
соты театра, извѣщавшіе палом-
никовъ о началѣ представленій.
Въ антрактахъ мнѣ показывали
Коэму Вагнера, Германа Леви,
молодого еще тогда сына Ваг-
нера, Зигфрида, французскаго
переводчика Вагнера Эрста,
его восторженнаго коммента-
тора Г. С. Чеверлена и др.

Въ сѣдующее мое посѣ-
щеніе Байрейта, въ 1891 году
я истратилъ почти тѣхъ же
деньгъ и нашелъ почти ту же
атмосферу сосредоточенности и
священнаго трепета. Въ тотъ
годъ въ Байрейтъ пѣло нѣ-
сколько новыхъ молодыхъ пѣ-
новъ и пѣвицъ, на которыхъ возлагались большія надежды. Между
ними особо-важное мѣсто занималъ теноръ Вавъ-Дейксъ, единствен-
ный, кажется, изъ всѣхъ пѣвцовъ, который дѣйствительно исполнитъ
оправдалъ эти надежды. Въспомоществуя мнѣ приходилось очень часто
слышать этого выдающагося пѣвца, радомъ съ другими, теперь
уже знаменитыми исполнителями вагнеровскихъ произведеній: Генри-
хомъ Клодомъ, Лланъ Леманъ, Фессендеръ-Моттъ, Шуммъ-
Геймъ, Нордлофъ, Феліе Литантъ, Маріей Витхиль, Теринной,
Крусовъ, Бурманъ и др.

Въ послѣдній разъ я посѣтилъ Байрейтъ въ 1905 году, и съ
трудомъ узналъ его.

Байрейтскій театръ.

Интимности уже никакою
же существовало, знакомыхъ
лишь почти не встрѣтилъ, за
то повсюду слышалъ и запом-
нила весь театръ шумная,
бѣзпачная космополитическая
толпа, состоящая преимуще-
ственно изъ англо-саксонцевъ.
То были, кажется, первый годъ
американскаго путешествія на
Байрейтъ. То и дѣло и инти-
мался на красноречивыхъ мѣстахъ,
въ короткихъ юбкахъ и до-
рожныхъ фуражкахъ, дерзав-
шихъ въ рукахъ развитыя
путеводители и «кажони»
къ разгадкѣ вагнеровскаго
творчества. Не имѣя ни ма-
лѣйшаго эстетическаго чутія
и музыкальных наклонностей,
вѣсь эти «realis-touges d'été»,
какъ называлъ американ-
скихъ снобовъ и эстетовъ одинъ
изъ моихъ пріятелей, «штуа-
роланъ» своихъ книжки и разнаго
рода «Key to Parsifal» и т. п.,
съ терпѣніемъ и упорствомъ
своими собственными ихъ расъ. Они
принимали себя въ голову, точно школьники трудный урокъ, значеніе
лейтъ-мотивовъ, туземную и мистическую философію «Парсифала»
и сложную канву «Коэма Нибелунговъ»...

Одновременно съ этимъ я самъ городъ Байрейтъ весьма измѣ-
нился. Онъ сталъ меркантильнѣе, занимающій какъ ярыма, изла-
лень, угодливый и страшно дорожный.

И увидавъ все это, и понявъ, что уже никогда больше чаша
си. Граждан не озираетъ небеснымъ свѣтомъ, я отразилъ пылъ отъ
ногъ своихъ и возмѣлать навсегда дорогу въ Байрейтъ...

Габриелеттера.

Школа танго (нѣмецкая каррикатура).

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

У «Юба».

На дняхъ кто-то за обѣдомъ рассказывалъ анекдотъ о томъ,
какъ онъ прѣѣхалъ къ своему пріятелю въ имѣніе въ Западной
Крѣй. Смотришь у всѣхъ коровъ вазуны животы.

— «Что это у васъ такое?»

— «А видите ли, у меня фабрика древесной стружки, а сѣна
съ половины зимы не хватало, такъ я кормилъ коровъ стружками».

— «А развѣ коровы ѣли?»

— «ѣли... я ишь всѣмъ вадать зеленые очки, онѣ и думали,
что это трава».

По этому поводу другой помѣщикъ рассказывалъ еще болѣе не-
вѣроятный случай.

— «Хотѣлъ, чтобы куры неслись зимой. Онѣ начинали нестись
только тогда, когда термометръ поднимался до 12°—13°, а тутъ все
стояло холода... Помѣщикъ рѣшилъ тогда переизобрѣсть куры и по-
вѣсилъ нѣкъ термометра. Фаренгейта: куры увидѣли, что темпера-
тура такая высокая и сразу стали нестись».

— «Господа, вѣдь, вы же не охотники!».—замѣтилъ по этому
поводу третій собесѣдникъ.

Традиционный балетный уининг-послѣ бенефиса кордебалета (2 февраля).

присутствующих (отъ середины): Заслуж. арт. Имп. театровъ М. Ф. Киселевская, балерина Т. П. Карсавина, М. А. Бакеркина, Якеркина, Е. А. Борларъ-Лихачева, Е. Э. Баберъ, И. В. Березюковъ, Н. А. Богдановъ, А. Я. Ваганова, Вахтеръ, М. Е. Вернеръ, Горюхова (моск. бал.), Е. Е. Готлибъ, гел.-аз. П. П. Дурново, Ф. Г. Дикъ, В. П. Крымовъ, сов. исп. посольства Каррерасъ, В. А. Киселевскій, фел.-аз. Колмановъ, Е. М. Леоновъ, В. М. Леонтьевъ 2, М. М. Леонтьевъ, С. А. Латонинъ, Л. Н. Муромская, А. Мамонтовъ, М. П. Матвѣевъ, Л. Р. Нестеронская, М. К. Невелская (моск. балетъ), быв. бал. В. А. Никитина, И. С. Неслуховская, Е. А. Островская-Люткова, Н. А. Островскій, А. Прохорова, Н. А. Пачина, филь-притинъ, А. А. Померанцевъ, О. А. Рожественская, Ю. Л. Ракитина, Е. Н. Стремляновъ 1, Ю. Н. Склова, хор. Сиверскъ, Г. Г. Семеновъ, гр. И. В. Степобокъ-Ферморъ, Е. Д. Фокина 2, Г. Г. Франкина, штал. Д. Н. Чихачевъ, В. Я. Чистиковъ, Ж. А. Шинская, гр. Шуваловъ, Н. Д. Шубинъ-Поддѣвъ, гр. М. Ф. Шевалинъ.

СЪ ФОТОГ. НАШЕГО КЪД. П. В. ПОДКОВА.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГАСТРОЛЕРЫ.

Вѣздъ за Ринненомъ, Верхарномъ, де-Фукевромъ Петербургъ преподлагаетъ постлѣть еще разныя французскія писатели, которые прочтываютъ у насъ рядъ лекцій на литературныя и общественныя темы.

У насъ гастролѣ иностранныхъ литераторовъ являются новинкой, но въ Парижѣ „конференція“ пользуется широкой популярностью. Спещально для нихъ устроены такъ называемыя „залы Бодлиевскія“, съ небольшою сценою, на которой нѣсколько разъ въ недѣлю выступаютъ балетисты, критики, поэты, путешественники и т. д. съ живыми и интересными лекціями по самымъ разнообразнымъ вопросамъ общественнымъ, литературнымъ, политическимъ, религиознымъ.

На сценѣ Бодлиевскія исполняются также небольшія пьески, конечно, не требующія почти никакой обстановки; даютъ юкальные и инструментальные концерты, показываютъ живыя картины, кино-матюграфы и проч.

Лекторы нѣрѣдко выступаютъ и иностранцы. Такъ, напримеръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ кн. В. В. Барятинскій читалъ здѣсь отрывки изъ своего стихотворнаго перевода на французскій языкъ „Евгеція Овѣкина“.

Публика, привлекаемая именами лекторовъ и разнообразіемъ темъ, очень охотно посѣщаетъ эти конференціи. Парьеръ наполняется обыкновенно избраннымъ обществомъ, а на галлерей собираются публики порою, обычно во время конференцій, интересующаяся въ болышомъ количествѣ самыми широкими, соседняя такими образами, пріятнось полезными.

Для многихъ современныхъ знаменитостей Бодлиевскія послужилъ преддверіемъ храма Славы. На этой малевской сценѣ дебютировали романисты, поэты и политическіе дѣятели, пробравшіеся потомъ громкую извѣстность.

Опытные лекторы всегда умѣютъ возбуждать вниманіе слушателей, придавая своему чтенію характеръ живой свѣтской болтовни. Они хорошо знаютъ свою публику, знаютъ, что она неспособна сосредоточиваться на вопросахъ слишкомъ серьезныхъ и отвлеченныхъ, и потому стараются облачить свои разсужденія въ наиболее доступную для нея форму. Серьезная рѣчь перемешивается неожиданными отступленіями, сравненіями, забавными анекдотами; все это будитъ любопытство и поддразниваетъ до конца вниманіе.

„Конференціи“ — прекрасной образчикъ той неспаржаемой „science“, въ которой французы отличаются такими удивительными мастерствомъ еще со временъ салонной старика режима — барона Олива, г-жи де-Севинны.

Нѣтъ 15 тому назадъ въ Парижѣ не было конференцій, кромѣ тѣхъ, которыя читались въ Cercle Saint-Simon; но это были лекціи очень серьезныя, почти исключительно историческаго характера, и при томъ доступныя только для членовъ клуба и ихъ друзей.

Въ ту пору молодой философъ Каро сталъ являться въ египтологическихъ салонахъ со своими science по разнымъ историческимъ вопросамъ; эти бесѣды, нѣсколько огромный успѣхъ среди свѣтскихъ дамъ, показались настолько необыкновенными, что газеты нѣсколько лѣтъ подрядъ выслушивали профессора, и наконецъ,

У нас считают, опалы и даже лунный камень и кошачьи глаза несчастливymi камнями. Трудно сказать — откуда пошла эта предрассудок. Между тем эти полу-драгоценные камни очень красивы. На них сейчас мода в Англии, и благодаря этой моде они сильно поднимаются в цене.

Изображенные на нашем рисунке кулоны, бусы и ювелирные украшения английских художественных изделий это ювелирные «сделанные» английских ювелиров, все они с опалами и лунными камнями.

Пальеров вывел его даже на сцену из известной комедии «Le monde ou l'on s'ennuie», очень долго не сходявшей с репертуара.

А, между тем, в это самое время конференции были уже в большом ходу не только в провинциальных городах Франции, но и повсюду — в Швейцарии, в Бельгии и в Голландии.

Возникло общество, которое стало устраивать лекторские поездки по разным городам, и в эти лекторские поездки.

выступали не одни только профессора, трактовавшие избранный сюжет с любознательной серьезностью, но и писатели, в особенности молодые поэты и беллетристы, желавшие познакомиться с публикой с отрывками своих новых стихов, романов или пьес. Публика, со своей стороны, охотно шла на эти чтения, заинтересованная возможностью не только послушать «восхитительных сентенций», но и посмотреть на них.

Ю. П. Морозов.

Традиционный балетный ужин (после бенефиса Кордебалета).

„ВЕСЬ ПЕТЕРБУРГЪ“.

НАШЪ БАЛЕТЪ.

Графъ Шевидъи.
(Шарль Юнкера Шмита).

Баль „цивѣтныхъ париковъ“ у граф. Е. В. Шуваловой.

Ужинъ въ театальной залѣ. Среди присутствовавшихъ: ген.-адъют. бар. Ф. Е. Мейендорфъ, кн. Косубевъ, графъ П. Н. Апраксинъ, ген. кн. Енгалычевъ, бар. А. А. Буксгевденъ, ген. И. Д. Орловъ, графъ П. А. Игнатьевъ, ген.-адъют. А. Н. Николаевъ, гр. Ностичъ, графиня Тоталевъ, княгиня Кантакузенъ-Сперанская, бар. Павловъ, г. Оливъ, графъ Стариковскій, кн. Долгоруковъ, гр. Олсуфьевъ, бар. Раушъ-фонъ-Граубенбергъ, кн. В. М. Волковскій, д.-гв. Гусарск. полка полк. Кауфманъ съ женою, бар. Кноррингъ, бар. Торнау, г. Иваненко, бар. Мейендорфъ, кн. Горчаковъ, гр. Мусинъ-Пушкинъ, гр. Толстой, А. А. Половцовъ.

„Менуэты“ въ Московскомъ Литературно-Художественномъ кружкѣ.
Дочери Шаляпина и Карзинкины.

Въ блѣдно розовой ротондѣ
Такоутъ звуки менуэта,
И кафтанъ, и робронды
Блещутъ въ зеркалѣ паркета...
Улыбается маркиза...
О маркиза, чьи капризы,
Какъ волшебный вѣтеръ мая,
И плѣнительны, и изъжны...
Пусть, лорнеткою играя,
Старый графъ остритъ небрежно:
Ужъ и въ немъ огонь мятежный,
Ужъ и въ немъ стрѣлы Амура
Будятъ муки и надежды —
Графъ роиетъ каламбуръ,
Графъ во власти юной грезы —
Стройность талы, бархатъ кудрей,
И румянецъ ярче розы
Подъ душистой, бѣлой пудрой...
Такоутъ звуки менуэта,
Серебрить луна карнизъ —
И въ смущеніи жадетъ отвѣта
Графъ, склоненный у маркизы...

М. фонъ-Эссенъ.

НОВОБРАЧНЫЕ.

Лидия Николаевна, урожд. Фигнер, и Мих. Митроф. Подианов; бракосочетание состоялось 25 января.

Наталия Мих., урожд. граф. Стенбок, и подполк. Генер. Штаба Алексей Еф. Вандами; бракосочетание состоялось 8 января

ФРАНЦУЗИКЪ ИЗЪ БОРДО.

Алар Бэкс де-Фукиер... и мнѣ вспоминается маленькій, но очень фешенебельный кафе-баръ на Avenue des Champs Elysées. Группа эlegantно одѣтыхъ, талло выбритыхъ и причесанныхъ молодыхъ людей окружаетъ пышного блондина съ длинными волосами усами, въ шиллинь на беквахъ. Блондинъ ораторствуетъ и, обращаясь по очереди къ каждому изъ окружающихъ его юношей, сообщаетъ по его лицу порою смехъ, жеманно, стелющимися глазъ. Его слушаютъ со вниманіемъ, но безъ особаго почтения. Между нимъ и другими членами кружка различна въ годахъ не особенно велика, и светля заключенный шиллинь не придаетъ особой убедительности и серьезности его словамъ.

Непдалекъ, за другими столами, вокругъ стакановъ съ абсентомъ, перемуть и прочими микстурами, который изъ Парикъ называютъ „арретибъ“, по которымъ на самыхъ дѣлахъ скоро портятъ жезуэки, чѣмъ возбуждаютъ инстинктъ, воскалаетъ бразильскій авиаторъ Сантосъ Дюмонъ, мальчикъ и худощавый внучекъ Кастельона де Сенъ-Викторъ, графъ де Лаю и прочіе главы французскаго романтизма.

— Кто это?—спрашиваю я моего спутника, знакомаго мнѣ съ преставленій парижской жизни,—указывая на блондина въ шиллинь.

— Это Алар Бэкс де Фукиеръ, политическій агитаторъ и предводитель кружка романистическаго молодежи семидесятихъ парижскаго округа. Посмотрите съ какими изысками онъ говоритъ и дерзаетъ! Впрочемъ, онъ серьезнее многихъ. Къ сожалѣнію, республиканское правительство совершенно не хочетъ признавать въ немъ опаснаго члена и это его нисколько огорчаетъ. Въ сущности, онъ ничего не дѣлаетъ, поэтъ глѣзъ предлогомъ, что занимается политикой. Ему, вѣдь, все равно и онъ прекрасно знаетъ, что карьеръ никогда не вернется въ Парижъ. Чего онъ ищетъ—такъ это богатой невесты, но возможности изъ американокъ. Но врядъ ли ему удастся ее найти, такъ какъ онъ не знаетъ, не особенно образованъ и не особенно шиллинь. Вѣдь, ни въ его характерѣ, ни въ его умѣ, ни въ изысканности жить того размаха, той оригинальности, того „тона“, благодаря которому юнымъ процветаетъ много, въ чистотѣ ихъ бездѣлности...

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ, и встрѣтился впервые съ Аларомъ де Фукиеромъ, дѣтъ пытаться тому назвать.

Въ тѣ годы сиконьеръ арбитра французской эсгантистности переходилъ изъ теснущихся рукъ графа де-Саганъ къ молодому еще тогда графу Бонн де Кастельант. Вертевый и курчавый, какъ барашекъ, графъ Бонн, строилъ себя въ тѣ времена на деньги своей супруги графини Анны, дочери американскаго миллиардера Джъ Гулда, величавшееся palazzo на Avenue du Bois de Boulogne изъ розоваго мрамора, тонкую кошку лерца Бюльона Трафона. Онъ являлъ наследіе Саганъ, переживавшее къ этому старцу чѣтъ ли не по прямой линіи отъ Лозана, графа Д'Орса, Рожа де Боуэра и отчасти даже Барба Д'Орнвалли, и началъ удалять Парижъ необычайнымъ покроемъ своихъ скюртковъ и цвѣтовъ и формой своихъ галстуковъ, выхороненныхъ изъ старыхъ юбокъ его прабаби, супруги маршала Кастельана. Впрочемъ, это было, кажется, единственное, что онъ унаследовалъ отъ этой почтенной дамы.

Но прошлое нисколько дѣтъ и зѣвка графа Бонн стала меркнуть. Минували годы умопомрачительныхъ скюртковъ и галстуковъ, графъ Бонн получалъ разводъ и принужденъ былъ довольствоваться какими-то несчастными 12 тысячами франкъ, въ годъ... Парикъ лишился своего традиціоннаго арбитра эсгантистности. Нисколько лишь попытался привлечь на себя вниманіе и заставить Парикъ говорить о себѣ; но онъ вскорѣ же былъ свергнутъ и похороненъ. Тогда-то вдругъ и вынырнулъ въ самую цѣнтръ свѣтскаго и главнаго обихода французскаго Парика (такъ какъ есть Парикъ космополитическій, англо-саксонскій, въ которомъ французская эсгантистность не имѣетъ большаго успѣха) фигура Андръ Бэкс де Фукиера.

Никто, собственно, не зналъ, откуда и какими образомъ онъ появился. Одинъ говорилъ, что онъ прошевелъ не парижомъ ходомъ, время знающаго вечера. Другіе утверждали, что видѣли его директоромъ копированія въ изысканномъ свѣтскѣхъ баллахъ, трестъ вспоминали, что встрѣчался съ нимъ въ романсическаго комитетѣхъ и модныхъ ресторанахъ,—но такъ какъ онъ былъ тутъ, и собственно никому не мѣшалъ, то его и оставили тамъ, куда онъ прошевелъ. Вскорѣ же хозяинъ дома замѣтилъ, что никто лучше его не умѣлъ дирижировать танцами, а музыка пріемала за нимъ созданныя авторизованной волею и артистическаго склонности и всѣмъ очевъ много и услуживающаго и открытаго человека. Послѣ этого

наша стала все чаще и чаще появляться на страницах и „New-York Herald'a". Когда же некоторая высокопоставленная, проф-г-жа Юль-Хазетт, „парны Динара" стала при его к себе на даму из Динара, в Дональд или же за-Бретани, то онг вскоре же перепутался в парижскую юсть.

На самом деле никто из парижского общества не провинчал его во серьезъ и повадобился реклами газетъ, чтобы люди повѣрили, что Фукьеръ,—второй Дюоркс Брюнсамъ, Этого успѣхъ, сдѣлавший изуставной пресой, помогъ ему оворовать многихъ богатымъ илюстрировать, между прочимъ, знаменитого магаралду Канунтала, пригласившаго его на свадьбу своей дочери изъ Инало.

Появля Фукьеръ въ Инало была кормованіемъ его свѣтской карьеры. Послѣ этого онг съелъ провозглашать въ своихъ нубнчнхъ лекціяхъ великія истины, подслушанныя имъ въ кружкахъ молодыхъ парижскихъ эстетовъ, художниковъ и критиковъ, или выписанные изъ книгъ старыхъ и новыхъ теоретиковъ красоты, извѣстна и преслава быти. Въ результатѣ появилась книга „De la Mode, de l'élégant et de la chapez" подражаніе баестиниомъ и остроумнымъ статьямъ и замѣткамъ о женской и мужской модѣ о дендиизмъ, о „savoir vivre" и пр. подписаннымъ Жакомъ и Марселемъ Будюжъ, Бутъ де Мониселемъ, Жоржемъ Лепанъ и другими молодыми писателями и художниками—уточающими, паранурующими и комментирующими французскій аксуръ наизъ отъ праздно и легкомысленной толпы.

Такое прошлое Андре де Фукьера, постигнаша насъ изъ-сколко дней тому назадъ. Я былъ на двухъ его лекціяхъ и могу съ увѣренностью сказать, что „фукьеризмъ" (названіе еще менѣе симпатичное, чѣмъ футуризмъ) „n'est pas un objet d'exportation", какъ говаривалъ Гамбетта. Вѣроятно, подобнаго же мнѣнія были и тѣ немногочисленные послѣдствіи этихъ „конференцъ", принадлежавшіе однако къ сдѣлкамъ нашего дипломатическаго міра и эристоратическаго общества, такъ какъ на ихъ лекціяхъ все время читались скуръ и скуръ окончилисъ только по окончаніи лекцій, когда показывались сдѣланные картины.

Впрочемъ, арбитръ французской элгантности, иномъ, только старался заполнить чѣмъ пошло длинный промежутокъ времени, отвѣщенный подъ лекцію и ни о чемъ другомъ не думалъ. Онгъ началъ было говорить о широкой величавой Ненѣ, о пресласть русскихъ женщинъ, но сейчасъ же перекочилъ на „Thé Tango" и не успѣвъ его довести, заболѣлъ о марабу и зереткахъ, о римскомъ папѣ и авіаши, о Лидонкѣ XV и о адвокатѣ и все это безъ всякаго плана, ни къ чему, ни къ городу, va comme je-te roule... какъ говорить сынъ француза. Подъ конецъ, избавившись воздуха и смѣлости, г. де-Фукьеръ, подобно голосу, извѣщенію 2000 лѣтъ назадъ греческихъ мореплавателей, плававшихъ вдоль береговъ Коринфскаго залива, о смерти великаго Пана, возмѣстилъ міру на угудъ Морской и Вознесенскаго проспекта, печальную новость о банкой кончинѣ несправившаго Танго.

Вторая „конференцъ" была занята чтеніемъ вырѣзокъ „Figaro", „La Vie parisienne", „Chiffres", „Les Modes", „Femina" и другихъ подобнохъ же періодическихъ изданій, впрочемъ безъ указанія источниковъ.

Обе эти разы на г. де-Фукьеръ была надѣтъ черныя сюртуки, застѣнуты на лѣвъ пуговицы и бѣлый жилетъ. Окрутъ его шевъ красовался невзрачными размерами темной галстукъ, повѣсившейся плетеромъ. Впрочемъ, сюртука была скроена, немного, въ нѣтъ хомута и чѣмъ тутъ подымались изъ затылка, а локонны бичмачан съ стрѣми гетрами нѣсколько возмозжанъ обычную обувь блаженной памяти Литтль-Тинга.

Конечно, я знаю, что все это не такъ незачто, что нужно имѣть спеціальныя склады умъ знаменитаго въ свое время Дюона Вальямса, основателя „Tailor and Cutter Magazine", ничего другого

невидѣнаго вокругъ себя, кромѣ сюртуковъ и брюкъ, чтобы искренно опазнать и возмущаться этимъ отсутствіемъ вкуса, но для человека, избравшаго своей спеціальностью „фшюль" и „лендизмъ; для такого человека мнѣннее „foute de dont" своего рода, потерянное сраженіе, своего рода Трафальгаръ, Ватерлоо, Седанъ.

Русскій парижанинъ.

Андрѣ Бакъ де-Фукьеръ.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Бритій молодой человекъ въ сѣрѣхъ замшевыхъ гетрахъ сказалъ:

— „Въ Парижъ бросаютъ afternoon tea! Теперь болѣе шварно отъ чистыхъ до шестъ" подавать фрукты и легкое вино".

Пожалой господинъ въ обыкновенныхъ ботинкахъ отвѣтилъ:

— „Это та мода, которая слишкомъ модна для того, чтобы быть принятой... Это выдумываютъ газетные фелетонисты, которымъ не хватаетъ темъ... Вы знаете, что средн англійскіе офицеры считаются съ собою приличнымъ надѣвать при штатскомъ модные галстуки: слишкомъ модные бываютъ иногда хуже, чѣмъ совсемъ немодные".

— „Совѣршено вѣрно! Помните „lures-sabottes": онѣ были послѣднимъ крикомъ моды, ихъ усмѣсно „пущировали" всѣ парижскіе портные... и ничего не вышло. Есть мода и мода!.."

добавилъ собесѣдникъ въ жакетѣ, но съ простыми манжетами.

КАКОЙ МНѢ КУПИТЬ АВТОМОБИЛЬ?

Лабиринтъ солнѣнный приводитъ Васъ въ тупикъ, единственный выходъ изъ котораго заставляетъ Васъ обратиться къ

ТОРГОВОМУ
ДОМУ

„ПОБѢДА"

СПБ., МОЙКА, 61,

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМЪ „ОПЕЛЬ" „ПАНАРЪ"

„АРГАЙЛЬ" и „Ф. Н."

TIR AUX PIGEONS.

Настоящая сезонная стрельба из Петербурга протекает с необычайным оживлением. Въ воскресенье и праздничные дни размигаются призы за участие въ не менее 15 стрельб-спортсменов, а въ дни между состязаниями стрельбася не мало матчей.

Первымъ сезона можно назвать К. И. Ивановича, который извля наибольшее количество призовъ; нѣсколько призовъ досталось гр. П. М. Стенбоку, Д. А. Казинцеву, Б. А. Бинаровичу и др. Единственная дама, принимающая участие въ садахъ и достаточно известная въ Петербургскомъ обществѣ какъ искусный стрѣлокъ по охотѣ, М. Е. Ватковская, тоже не осталась за флагомъ, выигравъ одинъ изъ призовъ этого сезона.

Въ стрельбѣ на матч побѣдителемъ оказался Д. А. Казинцевъ, стрѣлявшій три матча; два изъ нихъ съ Ивановичемъ и послѣдній, 28-го января, втроемъ съ бр. Розенбертъ и Ивановичемъ. Несмотря на незначительную стрельбу своихъ противниковъ, Казинцевъ выигралъ ась три матча. Кроме того Казинцевъ долженъ быть стрѣлкомъ матча изъ Москвы съ лучшимъ стрѣлкомъ Московскаго клуба, Шумиловымъ. Спортивный интересъ этого состязанія былъ бы большой, ибо результаты определятъ бы и лучшаго стрѣлка Россіи. Къ сожалѣнію, матчъ не состоялся по болѣзни Шумилова.

Стрѣлки также матчи: Синельниковъ, Снегинскій и Калашниковъ; Нератовъ съ Синельниковымъ, Хриновъ съ Делькруа. Побѣдилъ Калашниковъ, Нератовъ и Делькруа.

Делать.

Д. А. Казинцевъ.

К. И. Ивановичъ.

Группа, снятая въ одинъ изъ послѣднихъ садочныхъ дней на Крестовскомъ стандартѣ.

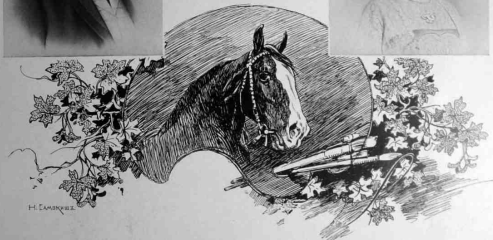
Въ центрѣ выигравшій призъ гр. П. М. Стенбокъ. Сѣла на правѣ: гг. Лихаревъ, Ивановичъ, гр. Шумиловъ г-жа Ватковская, Калашниковъ, Подольскій-Козель, Синельниковъ, Нератовъ, Синельниковъ, гр. Стенбокъ (въ рукахъ призы), Рыжовъ, Воронинъ, Сатуца, Казинцевъ, Ватковский и (на полноручку пошесть) Хриновъ.

ПЯТНАДЦАТИЛѢТНЕ СКАКОВОГО ДѢЛА

М. И. и Е. И.
ЛАЗАРЕВЫХЪ.

Въ 1913 году исполнилось 15 лѣтъ спортивной дѣятельности Михаила Ивановича и Еягенія Ивановича Лазаревыхъ и свыше 10 лѣтъ ихъ коннозаводской дѣятельности.

Малиновые камзолъ и рукава и чернѣй картузъ бесспорно самыя популярныя цвѣта на ипподромахъ обихъ столицъ. Этимъ цвѣтамъ большая публика, посѣщающая наши скаковые ипподромы, вѣрить безусловно. Трудно себѣ представить какое-либо классное скаковое испытаніе въ Россіи и отсутствіе въ немъ Лазаревскихъ малиновыхъ цвѣтовъ...

Впервые эти цвѣта появились въ 1899 году. М. И. Лазаревъ, въ то время еще начинающій охотникъ, сразу обнаружилъ большой размахъ и въ первый же годъ, имѣя почти однихъ двухлѣтокъ, выигралъ два классныхъ приза — въ честь Великаго Князя Сергія Александровича въ Москвѣ на ги. ж. „Смайкъ“ и „Большой Варшавскій“, двухлѣтній же, на ги. ж. „Вудденъ“, за которымъ „Смайкъ“ былъ вторымъ — оба сына знаменитаго „Рулера“.

Уже со второго года своего существованія конюшня Лазаревыхъ занимаетъ первое мѣсто и, фактъ небывалый въ цѣломъ мірѣ, неизмѣнно удерживаетъ его далеко впереди остальныхъ русскихъ конюшенъ въ теченіе 12 лѣтъ; только два года, 1901 и 1902, эта конюшня была на второмъ мѣстѣ. Максимальнаго выигрыша, около 380.000 руб., конюшня достигла въ 1913 году, занимая по суммѣ выигрыша второе мѣсто въ Европѣ. То же мѣсто она занимала въ 1912 году.

За пятнадцать лѣтъ, съ 1889 до 1913 года включительно, конюшня выиграла свыше 3,5 миллион. руб.

Въ первые годы своего существованія конюшня Лазаревыхъ должна была выдержать сильнѣйшую конкуренцію польскихъ конюшенъ, въ числѣ которыхъ въ то время еще блистали конюшни Ренке, Грабовскаго и другихъ.

Малиновые цвѣта извѣстны не въ однихъ столицахъ: ихъ хорошо знаютъ въ Варшавѣ, Харьковѣ и Ростовѣ на Дону.

Первая побѣда русской лошади за границей была побѣда „Сатира“ Лазаревыхъ въ Вѣнѣ.

Съ 1903 года начинается и заводская дѣятельность М. И. и Е. И. Лазаревыхъ, столь же успѣшная, какъ и спортивная. Питомцы этого завода выигрываютъ уже свыше 1,5 миллионъ рублѣй.

Въ настоящее время Лазаревы имѣютъ одинъ чистокровный заводъ въ имѣніи „Старая Вѣсь“ въ Варшавской губ. и другой въ „Абазовкѣ“ Полтавской губ.; кромѣ того для обновленія русскаго чистокровнаго дѣла лучшими кровями Англіи и Франціи они же устроили два большіе заводскіе отдѣленія за границей: одно въ Ньюмаркетѣ и одно подъ Парижемъ. То, что дѣлалось раньше лишь какъ рѣдкое исключеніе, было введено Лазаревыми въ строгую систему по определенной программѣ.

Перечислять всѣ тѣ успѣхи, которые достигнуты этой скаковой конюшней, не представляется прямо возможнымъ — они слишкомъ многочисленны; доста-

«Айриш-Ладь», победитель Всероссийского
Дерби и восьмь трехлетних классных
призов 1903 года.

«Демосфень», послѣ
выигрыша Дерби.

«Айриш-Ладь», непобѣжденная въ двух-
лѣтнемъ возрастѣ въ 1913 г.

«Серенада», послѣ выигрыша
«трехгорного» приза.

точно отметить, что Лазаревы выиграли: 5 разъ Им-
ператорскій призъ въ Москвѣ въ 1903 г. на «Лоретъ»,
въ 1905 г. на «Кулоденъ», въ 1907 г. на «Гальти-Ботъ»,
въ 1910 и 1911 гг. на «Этинаръ»;

4 раза Императорскій призъ въ С.-Петербурѣ: въ
1905 г. на «Кулоденъ», 1906 и 1907 гг. на «Гальти-
Ботъ» и въ 1908 г. на «Уадъ»;

5 разъ призъ Государыни Императрицы въ Москвѣ:
въ 1903 г. на «Айриш-Ладъ», въ 1906 г. на «Гомъ»,
въ 1907 г. на «Уадъ», въ 1910 г. на «Даріаль» и въ
1913 г. на «Даринъ»;

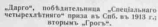
8 разъ призъ Государыни Императрицы въ С.-Пе-
тербургѣ: въ 1900 г. на «Смайкъ», въ 1903 г. на
«Айриш-Ладъ», въ 1904 г. на «Кароли», въ 1905 г.
на «Гальиетъ», въ 1907 г. на «Уадъ», въ 1909 г. на
«Сократъ», въ 1911 г. на «Флореаль» и въ 1913 г.
на «Демосфень»;

«Даріаль», побѣдитель Николаевскаго «приза Сраженія»
въ Спб. въ 1910 году.

„Зейтунъ“, побѣдитель Большого Между-
народнаго приза въ Москвѣ въ 1912 г.

„Узда“, победитель всех классных двуклассных призов в 1906 году и призов Государыни Императрицы и Варшавского Дерби в 1907 году.

„Гамлей“, победитель приза Государыни Императрицы
в СПб. в 1905 году.

«Героним», победительница всех классных двухлетних призов.

«Мамурь», победитель Всероссийского Дерби 1912 года.

«Гальтибой», победитель многих классных призов в 1904, 1905, 1906 и 1907 гг.

«Smike», победитель Варшавского Дерби и приза Государини Императрицы в 1900 г.

7 раз Всероссийский Дерби: в 1903 г. на «Айриш-Ладл», в 1904 г. на «Кулоден», в 1907 г. на «Каунт», в 1908 г. на «Галоп», в 1911 г. на «Флореаль», в 1912 г. на «Мамурь» и в 1913 г. на «Демосфен»;

8 раз Варшавский Дерби: в 1900 г. на «Смайк», в 1903 г. на «Айриш-Ладл», в 1904 г. на «Кароль», в 1905 г. на «Гальти-Бой», в 1907 г. на «Уадл», в 1908 г. на «Гавотт», в 1911 г. на «Флореаль» и в 1913 г. на «Демосфен».

Почти 80% ежегодного выигрыша конюшни, начиная с 1910 г., падают на потомство собственного завода Е. И. и М. И. Лазаревых: «Флореаль», «Демосфен», «Зейтун», «Дарго», «Дарьяль», «Булат», «Марат», «Протей», «Серенада», «Ларинг», «Арасхан», «Морин», «Сауль», «Сатурн», «Эпимар», «Брама», «Оникс», «Гавотт», «Героним», «Галилей», «Танс II», «Радла», «Каскад» — вот те классные

экземпляры собственного завода, которые являются истинной наградой коннозаводчику за постоянное стремление создать лучшее.

Результат как коннозаводской, так и спортивной деятельности — совершенно исключительный, и его могли достигнуть только те, кто вкладывал в дело душу, энергию, здоровье и средства.

Наш известный Московский журнал «Коннозаводство и Спорт» совершенно правильно, по случаю пятидесятилетия существования конюшни Лазаревых, отметил, что в области спорта и коннозаводства такой период времени стоит гораздо большего количества лет в другой области, где нервно напряжение менее интенсивно, темп жизни много умирнее, случайности рже и как-то менее чувствительны.

Условия же, в которых протекала спортивная жизнь для Лазаревых, были при этом еще совершенно особенны. Эта была безконечная борьба, стихшая лишь за последние два года. Одно время старались доказать, что появление, так называемой «доминирующей», конюшни должно вредно отразиться на общем состоянии чистокровного дла в России. Действительность же показала как раз обратное: необычайный успех вызвал подражателей, не останавливающихся перед огромными затратами, дла развивалось до чрезвычайности. Если когда-нибудь Лазаревым надо будет сойти со сцены, они могут с полным удовлетворением сказать: чистокровное дла в России двинулось вперед и возвращение его вспять невозможно.

В государственных конских учреждениях Российской Империи уже сейчас не менее 40 производителей — потомков завода и конюшни Е. И. и М. И. Лазаревых. Значительное их число обслуживает также и частные заводы.

Производители собственного завода в Старой Веся знаменитый «Флореаль», а в Абазовк — дло дено жеребцов, в том числе дербисты: «Галоп», «Кулоден», «Мамурь» и не менее их известные сыны «Гальти-Мора», «Галилей» и сын «Перта» — «Протей».

■ ■ ТЫ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ
СЕКРЕТЪ УСПѢХА КРАСОТЫ
И ГРАЦИИ ФОРМЪ
ОБРАТИСЬ КЪ
МАРКУСУ ЗАКСУ

■ ■ 45 ЛЕНИНСКИЙ 45 ■ ■

